

6. Весть Христа и христианский канон

Не пишите законы на мертвой коже, которую первый вор унесет. Несите законы в духе, и дыхание Блага понесет перед вами Колесо Закона, облегчая ваш путь.

Неверность переписчика может вовлечь целый мир в бедствие.

Озарение, П.IX.8¹

Что человек ищет в Священном Писании? Что через века и тысячелетия остается нетленным и непреходящим в сказанном Свыше? Разрушаются города и государства, изменяется быт и человеческая культура. Человек бросает в печь книгу, и великое творение сгорает. Сгорела ли мысль автора, заставлявшая трепетать наше сердце, или же в пепел обратилась лишь бумага и типографская краска, а рожденная однажды мысль стала достоянием вечности? Что есть портрет, нарисованный художником? Только ли уложенные граммы масляной краски, информация о внешности давно умершего человека или нечто большее? Почему одну и ту же книгу, одну и ту же картину, одну и ту же музыку разные люди воспринимают по-разному? Причиной восприятия чего-то неумовимого, существующего за буквой поэмы, за линией рисунка, за созвучием мелодии, является *нечто*, называемое *духом* или *душою*. Как нет двух совершенно одинаковых травинков, так же нет в мире и двух одинаковых душ. Каждый человеческий дух индивидуален, и даже одна и та же форма — книги ли, картины или мелодии — осознается, чувствуется, ощущается людьми по-разному. Но и различия восприятия не бесконечны, они имеют пределы, или, вернее сказать, — глубину. Существует нечто, объединяющее души, благодаря чему среди особенностей и различий духовного восприятия люди оказываются способными слышать друг друга, понимать то, что другой хочет выразить. Бесконечное одиночество и потерянности человеческой души во вселенной, либо же родственность и полная слиянность человеческих душ — два полюса, в своей односторонней абсолютности нигде и никогда не существующие. Религии утверждают, что человек един в Боге и различен вне Бога. Наука называет этот единый Соединитель *универсумом*, *энергоинформационным полем*². Философы Индии называли его Параматманом, Пурушей или же Духо-Материей, Свабхаватом, который только и существует, тогда как всё прочее — преходящие

¹ Листы Сада Мории: Озарение. 1924 — 1925. § 232. //Агни-йога. Т.1. М.: Сфера. 1999. С.190. (Часть II, IX. § 8)

² Э.Леруа, П.Тейяр де Шарден, В.И.Вернадский.

формы, иллюзия постоянства. И всегда есть нечто, позволяющее человеку чувствовать себя не одиноким, ощущать что-то соединяющее человека с Высшим поверх изменяющихся форм и состояний. Тогда книга, картина, мелодия оказываются языком, средством, благодаря которому Божественное, то, что является единым и для всех общим, соединяет отдельную душу с Источником всего, а через него и с душой другого человека. Вне этого общего и единого Соединителя, или, если угодно, «поля», человек никогда бы не смог почувствовать присутствия в другом человеке любви, радости, горя, отчаяния, озлобленности, добросердечия, благодарности. Священные Писания называются священными прежде всего по их близости к миру Духа, по их обращенности к человеческому сердцу. Ученые знают, что когда ум занят мелкими бытовыми проблемами, то требуется время, чтобы сосредоточиться на осознании фундаментальных основ. То же самое можно сказать и о восприятии Священного Писания. Если сердце молчит или страстно устремлено к какому-нибудь земному событию, то совершенно невозможно осознать духовно высокую вибрацию, присутствующую между строк Священного Писания. Для восприятия Священного Писания надо прежде всего душевно настроиться.

Базовой, или центральной темой церковного вероучения является повествование о земной жизни Иисуса Христа. Это объясняет, почему, например, Евангелие Фомы (Логии) (см. Приложение 5), не имеющее особых гностических идей и которым пользовались, вероятно, все ранние христиане, церковью было отвергнуто. Одна из причин — отсутствие в нем легенды о зачатии, рождении и распятии Спасителя.

В евангельском повествовании о жизни Иисуса религиоведы выделяют историческое, мифологическое и мистическое содержание. Как было показано в книге «Кумран и Христос», Евангелие содержит очень небольшой объем информации о земной жизни Иисуса, тогда как всё остальное — мистерия.

Самое главное расхождение, которое было нами обнаружено между историческим и аллегорическим в новозаветном Писании, это время жизни Иисуса и апостолов, которое в евангельской версии оказалось смещено на сто с лишним лет. В отличие от Евангелия, трактат «Деяния апостолов», судя по всему, был задуман как историческое свидетельство. Однако, чтобы не противоречить евангельской легенде, поздние корректоры «Деяний» с помощью исправлений подогнали описание событий под соответствующее время.

В этой связи представляется важным попытаться выяснить, откуда взялось убеждение церкви о том, что жизнь Иисуса пришлось на правление Ирода и Пилата, то есть, по какой причине даты его земной жизни были смещены на сто лет позднее, чем было в реальности? Казалось бы, о жизни Спасителя, на которой держится вся церковная догматика, должны сохраниться свидетельства хоть каких-то реально живших лиц или их потомков, о которых в церкви должна была сохраниться благодарная память. Оказывается, ничего подобного. Как было показано выше, все апологеты черпали свою информацию о жизни Иисуса *исключительно из текста Евангелия*, но никак не от живых свидетелей. Иные исторические свидетельства как в воду канули. Неудивительно, что церковные консерваторы во все времена упорно настаивали на богодухновенном происхождении текстов евангелий, каждой их буквы, иначе говоря, на том, что они получены в откровении от Святого Духа. В это можно было бы поверить, если бы дошедшие до нас тексты многократно не правились, причем весьма значительно (как было доказано наукой). Такое стягивание исторических информационных потоков о жизни Иисуса к единственному источнику — Евангелию, основательно отредактированному апологетами, позволило сторонникам *мифологической школы* вообще заявить о мифичности личности самого Иисуса Христа. Надеемся, в книге «Кумран и Христос» нам удалось доказать, что Кумранское открытие полностью разрушило это ошибочное заключение. Тем не менее отсутствие в церкви иных свидетельств жизни Иисуса, кроме поздних редакций четырех евангелий, заставляет предположить о преднамеренном уничтожении прочих свидетельств, противоречащих церковной версии о Христе.

Происхождение церковной датировки рождения Христа

Летосчисление новой эры — «от Рождества Христова» настолько прочно вошло в культуру, что кажется, в церкви памятование именно этой даты рождения Спасителя существовало всегда. На самом деле всё было иначе. Среди теологов признана относительность данной датировки. Она была принята лишь в 525 г. Вот что об этом писал авторитетный историк церкви проф. В.В.Болотов:

«В практике (вычисления дней Пасхи) был сокращенный цикл. Вычисление пасхи Кирилла Александрийского по упрощенному способу кончалось (по ныне действующему летосчислению. — *А.В.*) 531 г. по Р.Х. Нужно было вычислить пасху на дальней-

шее время и произвести поправку для високосных годов. Эту работу взял на себя западный монах *Дионисий Малый* в 525 г. Он произвел грандиозный переворот и положил основание *нашему счислению*, т.е. от Р.Х... Он в своем пасхальном круге не пожелал продолжить счисление по эре Диоклетиана и годы Диоклетиана заменил годами «от воплощения Господа нашего Иисуса Христа», поставив вместо 248-го года Диоклетиана 532-й год (от Р.Х. — *А.В.*). Это и есть первая известная в истории дата, поставленная по нашему летосчислению от Р.Х., явившемуся на замену счисления по эре Диоклетиана”¹.

Расчет монаха Дионисия Болотов объясняет удобством пасхального исчисления, поскольку именно в год Р.Х. заканчивался 19-летний метонов цикл² и начинался новый. И хотя Болотов считал избрание начала эры полной случайностью, причем маловажной, заметим, что исчисление эры в привязке к конкретному циклу для астрологического и мистического подходов оказывается весьма значительным обстоятельством. Нумерология, в частности некоторые изыскания Е.П.Блаватской, показывает, что избранная церковью дата начала новой эры полностью соответствует сакральному числовому символизму.

“На год 753 от основания Рима, — писал В.В.Болотов, — приходится первый год 19-летнего круга; в этом году, по взгляду Дионисия, последовало благовещение (воплощение Христа). Вероятно, для Дионисия вопрос о годе Рождества Христова этим совпадением 753 а. У.С. с 1 годом 19-летнего цикла и разрешался... Эра Дионисия Малого — от Р.Х. (наша), таким образом, объективно научного значения не имеет. Она отличается точностью только приблизительною. Дионисий в своем исчислении основывался на данных пасхалистических, а не исторических...

О времени рождения и времени страданий и смерти Христа имеется мало определенных, несомненно верных исторических данных; установка этих двух фактов между тем должна бы лежать в основе специально христианской эры.

Что касается времени *рождества* Христова, то нужно признать прежде всего то, что гражданская история не дает определенных указаний на год той переписи (о которой говорит Евангелие. — *А.В.*), которая была в год Р.Х. Таким образом, в

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.89.

² *Метонов цикл* — назван так в честь афинского астронома Метона, который в 432 г. до н.э. обнаружил для широких кругов сведения, что период в 19 солнечных лет в точности соответствует 235 синодическим месяцам. На основании цикла Метона стали рассчитывать лунно-солнечные календари, в том числе и пасхалии.

гражданской истории является пробел, с которым хронология до сих пор не может справиться... Из Евангелия известно, что смерти Ирода предшествовало избиение вифлеемских младенцев от 2-летнего возраста и ниже. Когда происходило избиение, Иисусу Христу было менее двух лет земной жизни. Когда Ирод умер (в 4 г. до Р.Х. — А.В.), Иисусу Христу по меньшей мере было два года, а может быть, и больше. Значит, наше летосчисление не отвечает действительному, а идет на несколько лет (лет на 5-6) впереди...

Относительно того, когда Он *скончался*, твердых данных также не имеется. Можно сказать, что никакого предания о годе крестной смерти Спасителя не сохранилось... Да этому не придавали и особенного значения: апостолы служили делу веры, а не научной любознательности... В первые времена казалось совершенно достаточным знать, что Он умер при таких-то архиереях (Первосвященниках ¹. — А.В.) и Понтии Пилате; проповедники христианства, апостолы, не были служителями хронологии. Позднейшие же показания об этом суть только научные догадки и не должны сбивать нас тою уверенностью, с какою их заявляют писатели. Тертуллиан, например, показания об этом передает за непреерекаемые истины; но такова его манера изложения.

Какие же есть *неперекаемые данные* о годе крестной смерти Христа? В Евангелии и Символе Веры (принятом, по мнению церковных историков, в 381 г. ² и ставшем общеобязательным не ранее VI в. — А.В.) мы читаем, что Он распят при Понтии Пила-

¹ В.В.Болотов не называет их Первосвященниками, как это делают евангелия, из-за избежания дополнительных комментариев по поводу невозможности существования в еврейской традиции сразу двух действующих Первосвященников. Однако исторически такая ситуация имела место. Этими Первосвященниками были Симеон бен Шет'ах (в Евангелии — Ханна бен Шет, о произношении данного имени см.: Новый Библейский словарь. Ч.1, с.48, 298) и Гиркан II, племянник Симеона бен Шет'аха (в Евангелии — Каиафа, зять Ханны). Симеон бен Шет'ах приходился братом царице и в силу того, что Гиркан II, её сын, был нерешителен, Симеон бен Шет'ах какое-то время (пока не умер) мог исполнять функции фактического Первосвященника. В «Кумран и Христос» мы писали: «Хотя (у Иосифа Флавия) и говорится, что Саломея Первосвященником назначила своего сына Гиркана II “как вследствие его возраста, так еще более для того, чтобы наполнить чем-нибудь его досуг” (Иосиф Флавий. Иудейские древности. XIII. 16.1), но в другом месте сообщается, что произошло это в 70 г. до н.э. (там же, XIV. 1.2), т.е. спустя шесть лет после смерти Янная. А поскольку, согласно Флавию, Гиркан II “был не способен к государственным делам и более всего предпочитал мир и спокойный образ жизни” (там же, XIII. 16.1), то можно с полной уверенностью утверждать, что странюю правил Симеон, которого как Первосвященника после Александра Янная могли упоминать кумранские свитки, что подвигло И.Р.Тантлевского совершенно правильно (при комментарии кумранских текстов) ввести понятие “Священник II”».

² А.Гарнак считал, что Символ веры был принят много позже (см.: Карташев А.В. Вселенские Соборы. М., 1994, с.137).

те. Годы правления Пилата достаточно хорошо определяются Иосифом Флавием (данный фрагмент у Иосифа Флавия — заведомая приписка христианских авторов. — *А.В.*)... Таким образом, выясняется, что Иисус Христос скончался в 33 г. Но это покоится на положениях, которые исторически обосновать очень трудно.

Что касается указания Евангелия, что когда Христу было около 30 лет (Лк 3.1, 23)..., то главный вопрос здесь... в том, что величина «около 30 лет» в рассматриваемой дате указывается приблизительно. И несмотря на весь хронологический авторитет Евсевия Кесарийского, мы не можем вместе с ним настаивать, что Христос умер именно на 34 году от рождения, потому что было и другое известие, идущее от Иринея Лионского, что Христос освятил своим пребыванием на земле все возрасты человеческой жизни (Против ересей, II.23.2). А известно, что Ириней был ученик св. Поликарпа Смирнского, который имел своим учителем Иоанна Богослова; следовательно, возможно, что это известие исходит от Иоанна Богослова, а в таком случае это такой авторитет, перед которым авторитет Евсевия может в прах рассыпаться. Ириней говорит, что Христос был «старец, достигший преклонных лет». Но удобно ли называть так человека 30 лет? А что наружность Христа была не из цветущих (т.е. что он был явно не молодой. — *А.В.*), об этом есть свидетельство в самом Евангелии (Иоанна). Так, фарисеи возражали Христу: «Тебе нет и пятидесяти лет, а Ты говоришь, что видел Авраама» (Ин 8.57). Очевидно, что на вид Ему было гораздо более 30 лет. Несомненно, они были бы рады сказать: «Тебе и тридцати лет нет», если бы это было возможно.

Твердого исторического *предания и о времени общественного служения Христа не сохранилось*. Обычное воззрение, что служение Его продолжалось 3 1/2 года и жизнь окончилась на 34 м году, опирается на авторитет Евсевия (которого сам же В.В.Болотов в этой же книге критикует за необъективность как историка ¹, а Блаватская называет Евсевия «бароном Мюнхгаузеном». — *А.В.*). Полного подтверждения этого предания в тексте Евангелия не находим...

Таким образом, рождение Христа далеко предшествовало нашей эре; к 33 году ее можно с вероятностью относить Его кончину. Обычное представление о 33 1/2 годах земной жизни Христа не имеет для себя достаточных оснований, и Ириней уже допускал по крайней мере 40-летний возраст Христа; тоже, по-видимому, предполагается и в Евангелии от Иоанна ² ³.

¹ См. далее.

² Ср.: «На это сказали Ему (Иисусу Христу) Иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет» (Ин 8.57). — *А.В.*

³ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.89-93.

Сегодня в основном лишь историки помнят, что Церковь в первые века, но в основном с момента превращения христианства в государственную религию, достаточно динамично развивала как свои обряды, так и догматы. Например, только в V в. церковь стала применять массовое крещение младенцев, тогда как древние тексты «утверждают, что трехлетний период оглашения (испытательный период. — А.В.) есть необходимое условие для допущения к крещению»¹. Избрание 25 декабря днем Рождества Христова случилось только тогда, когда культ Христа сменил в Римской империи государственный культ Митры, в котором 25 декабря (в день зимнего солнцестояния) отмечалось рождение солнечного Бога (Sol invictus)². Протопр. Иоанн Мейендорф пишет, что «с установлением празднования Рождества Христова в IV в. создан... годовой литургический календарь. Для пастырского руководства (служителям церкви. — А.В.) следовало предлагать христианам богослужение более драматического и зрелищного характера, способное возбудить интерес и участие больших общин крупных городов»³.

Другими словами, тот образ Иисуса Христа и его биография, которые в конце концов укоренились в Церкви, прежде этого проделали длительный исторический путь. Ко времени появления евангельского аллегорического сказания отраженный в нем образ Иисуса почти перестал нести черты исторической реальности. Как отмечается в «Тайной Доктрине» Е.П.Блаватской,

¹ Мейендорф И. Единство империи и разделение христиан // Сб.: Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С.65.

² См.: Мень о.Александр. История религии. 6 том. Некоторые теологи пытались опровергнуть преемственность от языческого праздника датировки рождения Иисуса, ссылаясь на Климента Александрийского, который писал: «Он родился на 28-м году царствования Августа в 25-й день месяца Пахона» (Климент Александрийский. Святитель. Строматы // Отцы и учителя Церкви III века. Т.1. М., 1996, с.101). Однако если это не поздняя вставка (почему бы и нет), то это только говорит о мнении александрийского адепта, каковым являлся Климент, о сакральном толковании мистерии зачатия и рождения Воскрешаемого и Умиряющего Бога, каковым являлся Осирис, Адонис, Вакх, Митра и многие другие. В 357 г. папа Юлий I постановил справлять Рождество Христово в тот же день, когда язычники справляли рождение Бога Солнца (культ Митры, Осириса и пр.). Иоанн Златоуст в 390 г. по этому поводу писал: «В Риме избран этот день, то есть 25 декабря, как день Рождества Христова, для того, чтобы в тот же день празднующие свои торжества язычники не мешали христианам праздновать свое торжество без помехи». Ф.В.Фаррар также писал, что «бесполезно пытаться отыскивать месяц и день Рождества. У нас нет никаких данных, чтобы определить их хотя бы приблизительно».

³ Мейендорф И. Единство империи и разделение христиан // Сб.: Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С.67.

“...раз в лице евангельского Христа «предмет почитания был установлен, легко было приноровить предполагаемые события его рождения и смерти к требованиям Зодиака и к старым (индусским, египетским, халдейским и пр. — *А.В.*) традициям, хотя, конечно, для этого случая пришлось их несколько переделать”¹.

В «Разоблаченной Изиде» процесс насыщения исторического образа Иисуса мистериальным и мистическим смыслом показан более подробно. Блаватская поясняет некоторые астросимволические глифы Евангелия:

«Овидий² описывает Диону (супругу первоначального пеласгийского Зевса и мать Венеры) убегающей от Тифона на Евфрат³, таким образом устанавливая, что этот миф принадлежит всем тем странам, где праздновались мистерии...

Альберт Магнус, сам будучи алхимиком и исследователем оккультных наук, так же, как и епископом римско-католической церкви, в своем увлечении астрологией заявил, что зодиакальный знак Небесной Девы (прообраз Девы Марии. — *А.В.*) поднимается на горизонте двадцать пятого декабря, в момент, которому церковь приписывает рождение Спасителя⁴.

Этот знак [Девы] и миф о матери и ребенке были известны за тысячелетия до христианской эры. Драма мистерий Деметры представляет Персефону, ее дочь, унесенной Плутоном, или Гадесом, в мир мертвых; и когда мать наконец находит ее там, она оказывается королевой царства Тьмы. Этот миф церковь превратила в легенду о св. Анне⁵, разыскивающей свою дочь Марию, которая была увезена Иосифом в Египет. Персефона изображается с двумя колосьями пшеницы в руке; точно так же и Мария на старинных картинах; таковой же была Небесная Дева Созвездия [“Девы”]. Альбумазар Аравийский указывает на тождественность этих нескольких мифов:

В первом декане (10?) [созвездия] Девы встает девица, по-арабски называемая Адереноса (Адханари?), то есть чистая беспорочная дева⁶, прекрасная собою, с очаровательным лицом, скром-

¹ Е.П.Б.Т.Д. т.1/2, с.822.

² Овидий. Фасты. II, 451.

³ Плутарх. Исида и Осирис.

⁴ *Knorring*. Terra et Coelum.

⁵ Анна — это восточное обозначение, от халдейского *ана*, или небеса, откуда Анаитис и Анаитрес. Дургу, супругу Шивы, также называют Аннапурна, и это несомненно послужило прообразом св. Анны. Мать пророка Самуила также называлась Анна; отец его противоположения — Самсона — был Ману. — *Е.П.Б.*

⁶ *Девами* в древние времена назывались... не девушки, а просто *альма*, или женщины, достигшие брачного возраста. — *Е.П.Б.*

ными привычками, с распущенными волосами, держащая в руках два пшеничных колоса, сидящая на разукрашенном троне, пестующая мальчика и кормящая его в месте, называемом Иудея; мальчика, я говорю, некоторыми народами называемого Иисусом, что значит Исса, кого они также называют Христом по-гречески¹.

В то время, — продолжает Блаватская, — греческие, азиатские и египетские идеи подверглись значительному преобразованию. Мистерии Диониса-Сабезия были заменены обрядами Митры, чьи “пещеры” вытеснили святилища прежнего бога от Вавилонии до Британии. Серапис, или Сри-Апа из Понта, узурпировал место Озириса. Царь восточного Индостана, Ашока, принял религию Сиддхартхи (Гаутамы Будды. — *А.В.*) и посылал миссионеров в Грецию, Азию, Сирию и Египет провозглашать Евангелие мудрости. Ессеи Иудеи и Аравии, терапевты Египта, пифагорейцы Греции и *Magna Graecia* были, очевидно, приверженцами новой [буддийской] веры. Легенды о Гаутаме [Будде] вытеснили мифы о Горе, Анубисе, Адонисе, Атисе и Вакхе. Те снова были вплетены в мистерии и в евангелия, и им мы обязаны литературой, известной как литература евангелистов и “Апокрифический Новый Завет”. Они хранились эбионитами, назареями и другими сектами, как священные книги, которые те могли “показывать только мудрым”, и так они просуществовали до тех пор, пока растущее влияние римской церковной власти не смогло вырвать их у хранителей.

В то время, когда верховный жрец [иудеев] Хилкия якобы нашел “Книгу Закона”, индусские “пураны” (священные писания) уже были известны ассирийцам. Последние в течение многих веков властвовали от Геллеспонта до Инда и, вероятно, вытеснили арийцев из Бактрии в Пенджаб.

«Книга [Моисеева] Закона», кажется, была одной из пуран. «Ученые брамины, — говорит сэр Уильям Джонс, — утверждают, что пять условий необходимы, чтобы создать действительную пурану»:

1. Анализ сотворения материи в целом.
2. Анализ сотворения, или производства, второстепенных материальных и духовных существ.
3. Краткое хронологическое изложение великих периодов времени.
4. Краткое генеалогическое изложение главных семейств, царствовавших над страной.

¹ Kircher A. Oedipus Aegyptiacus. III, 5.

5. Наконец, жизнеописание какого-либо великого человека в отдельности.

Достаточно очевидно, что, кто бы ни написал “Пятикнижие”, он имел перед собой этот план, также и писавшие Новый Завет были очень хорошо знакомы с буддийским ритуальным культом, легендами и доктринами через буддийских миссионеров, которых в те дни много было в Палестине и в Греции»¹.

Прошло еще какое-то время, и аллегория, понятная лишь посвященным, а до остальных доведенная только как традиционный миф, стала легковверными массами приниматься буквально, т.е. как биографическое описание жизни Иисуса Христа. Насколько почтительно к такому описанию относились христиане во II и III веках, судить трудно. Человек того времени отнюдь не воспринимал окружающий мир с холодной рассудочностью последующих поколений. В те времена еще была важна не буква Евангелия, а идея и дух новой веры. Человек того времени не разделял реальное бытие и мифологическое (волшебное), а воспринимал мир во всей его чудодейственной красоте. Отсюда более простое отношение христианских авторов к цитируемым ими Логиям (см. Приложение 5) или каким-то ранним вариантам христианского Писания. Другими словами, даже если в конце I – начале II вв. существовали отдельные христиане, помнившие о жизни исторического Иисуса Христа во времена царя Янния и царицы Саломеи, то появившаяся легенда об Иисусе, пострадавшем при Ироде и Пилате, могла восприниматься как притча, как некое мистическое повествование, за персонажами-масками которых они, знавшие истинную подоплеку, легко узнавали подлинные исторические фигуры, персонажи, действовавшие в иное время. В Иудее фигура Иисуса тщательно замалчивалась, раввины стремились стереть о нем из народной памяти всякое упоминание. За пределами же Иудеи и синагоги об Иисусе Христе вообще вряд ли кто что-то знал, за исключением тайных посвященных обществ. Когда же легенда-мистерия о Христе вместе с увеличением числа христиан вышла за пределы закрытых первохристианских общин, немногие знали о её реальных исторических основаниях. Кумранские свитки пролежали в окрестностях Мертвого моря два тысячелетия, прежде чем мир узнал правду о кумранском Учителе Праведности, жившем за сто лет до Иисуса из евангельской легенды.

¹ Блаватская Е.П. Разоблаченная Изиды. Т.2. С.477-478. В квадратных скобках наши дополнения. — А.В.

Но как красочный ритуал и витиеватая обрядность константиновской церкви со временем заместили простоту и скромность первоначальных христианских собраний, так и образ Иисуса евангельской аллегории во времена Иринейя Лионского приобрел новое содержание. Из великого адепта, преображенного Всевышним Озарением, теперь, под рукою таких, как Ириней, он превратился в *ходившего по земле Бога*. Тонкая грань, существовавшая между реальным образом и аллегорией, была в конце концов вытравлена мощным культовым превознесением сына Марии как *Всевышнего*. Окружавшие Иисуса апостолы, никогда не воспринимавшие его как Бога, в исправленных церковью текстах стали называть своего Учителя — *Господом*. Апостолы, еще не знавшие *Неронов* и прочих исторических лиц I в. н.э., вдруг фантазией корректора «Деяний» оказались перенесенными на век позже, а апостол Иоанн чуть ли не в начало второго века!

Е.П.Блаватская писала:

«Множество аллегорий и всевозможных *завес*, “туманных изложений”, иносказаний и притч в несколько слоев покрывают оригинальные эзотерические тексты, положенные в основу (*как это уже известно*) Нового Завета. Откуда же в таком случае взялись Евангелия, жизнеописания Иисуса из Назарета? Разве не твердили нам постоянно (христианские богословы. — *А.В.*), что никакой человеческий, *смертный* разум не смог бы сам придумать биографию этого еврейского реформатора, равно как и завершившую ее ужасную драму на Голгофе? Мы заявляем, опираясь на авторитет эзотерической восточной школы, что сюжет этот заимствован у гностиков (а именно — само имя “Христос” и мистико-астрономические аллегории) и из писаний древних *танаимов*¹. (Давно уста-

¹ Здесь под *танаимами* необходимо понимать адептов и посвященных в халдейскую мудрость, которая, в свою очередь, согласно Блаватской, являлась ветвью на едином древе Восточной Мудрости. Ессейские общины были основаны танаимами; в книге «Кумран и Христос» было показано, что доктрины ессеев строились на пифагоро-платоновском гнозисе. Термином «Каббала» Блаватская в своих сочинениях часто именуется не каббалу раввинов, а саму Восточную Мудрость, появившуюся за много тысячелетий до появления евреев. Она писала: «Древнейшими религиями мира — экзотерически, ибо эзотерический корень или основа одна — являются религии индусов, маздейцев и египтян. Далее следует религия халдеев, как отпрыск предыдущих и теперь совершенно утерянная для мира, исключая следы ее в искаженном Сабеизме, как это ныне толкуется археологами. Затем, минуя некоторые религии, которые будут упомянуты позднее, идет еврейская, эзотерически следуя по линии вавилонской магии, как, например, Каббала...» (Е.П.Б.Т.Д. т.1/1, с. 45); «Заблуждается тот, кто принимает современные каббалистические труды и толкование Зохара раввинами за насто-

новлена каббалистическая связь между Иисусом, или Иошуа, и библейскими персонификациями). Одной из этих персонификаций является мистическое эзотерическое имя Иеговы — не мифического Бога непосвященных евреев (ничего не знающих о своих собственных мистериях) и еще более невежественных христиан (заимствовавших его впоследствии), но Иеговы языческих посвящений¹. Это неоспоримо подтверждают глифы, или мистические комбинации различных символов, сохранившиеся до наших дней в римско-католической иероглифике².

Гностические тексты содержали краткое изложение основных обрядов, коими сопровождалось таинства Посвящения, в то время еще не окончательно стертые из человеческой памяти; однако и эта информация необходимо облекалась в полуаллегорическую форму, прежде чем доверялась бумаге или пергаменту. Но древние *Танаимы* — Посвященные, у которых талмудисты позднее заимствовали

ящую каббалистическую науку древности. Ибо в настоящее время, так же как и в дни Фридриха фон Шеллинга, Каббала, ныне ставшая доступной Европе и Америке, не содержит в себе ничего кроме:

“Развалин и отрывков, сильно искаженных остатков той первоначальной системы, которая является ключом ко всем религиозным системам” (см. «Каббалу» Франка, предисловие). Древнейшая система и Каббала халдеев были тождественны. Позднейшие толкования Зохара принадлежат к толкованиям Синагоги первых столетий — то есть, Торы (или Закона) догматического и непримиримого» (Е.П.Б.Т.Д. т.2/1, с.578-579). — *А.В.*

¹ В книге «Кумран и Христос» приводились фрагменты из работ Блаватской, согласно которым высочайший Бог древних культов язычников носил имя *Ио (Ио)*. Имя *Иегова* в эзотерической доктрине языческих посвященных носило совершенно иной смысл, принадлежало *Матери Мира* и никакого отношения к Планетарному Гению Земли — национальному покровителю иудеев — не имело. Создатели нового догматического христианства, решившие построить его на Ветхом Завете, посчитали, что все еврейские мудрецы говорили о Йахве поставившего Ветхого Завета как о Высочайшем. Блаватская писала: «Прочитанные в свете Зохара четыре начальные главы Бытия являются фрагментом высокофилософской страницы в мировой космогонии; оставленные в их символическом одеянии, они детская сказка, уродливый терний в глазах науки и логики, очевидный результат Кармы. Предоставить им служить прологом к христианству было жестоким мнением со стороны раввинов, знавших смысл своего Пятикнижия. Это был молчаливый протест против их ограбления, и евреи сейчас, конечно, имеют преимущество (в части экзегезы. — *А.В.*) перед их традиционными преследователями» (Е.П.Б.Т.Д. т.1/1, с. 45). — *А.В.*

² Блаватская обнаруживает в римско-католическом христианстве сохранение ряда гностических тайн, которые раскрывались только особо приближенным. Для остальных преподавалась только внешняя обрядовая форма религии (см.: Блаватская Е.П. Истоки обрядности в церкви и масонстве // В сб.: Блаватская Е.П. Новый цикл. М.: Сфера. 2001). — *А.В.*

мудрость каббалы (*устной традиции*), знали тайный язык мистерий; именно *на этом языке были написаны евангелия*¹. И только тот, кто владеет древним эзотерическим шифром — тайным значением цифр (некогда общим достоянием всех народов), в состоянии в полной мере оценить гений, проявившийся в соединении египетско-еврейских, ветхозаветных аллегорий и имен с аллегориями и символами языческих греческих гностиков — величайших из всех мистиков своего времени...

Имя Иисус-Христос целиком основано на гностическом и восточном мистицизме. И совершенно естественно и правильно, что летописцы, подобные посвященным гностикам, будучи связанными обетом молчания, не раскрывали эту завесу таинственности, но продолжали окружать покровом тайны глубинный смысл своих древнейших священных учений. Но право отцов церкви покрывать все это толстым слоем своей собственной эвгемеристической фантазии весьма сомнительно².

Гностический сочинитель и летописец никого не обманывал. Ибо каждый Посвященный в тайны архаического гнозиса — как в до-христианскую, так и в христианскую эпоху — прекрасно знал значение каждого слова из этого “тайного языка”. Как утверждает Гиббон, эти гностики — вдохновители первоначального христианства — были “наиболее культурными, наиболее образованными и наиболее зажиточными из всей массы христиан”³. Так что буквальное восприятие собственных текстов не грозило ни им самим, ни их смиренным последователям. Но совершенно иначе дело обстояло с жертвами распространителей выдумок, известных ныне как *ортодоксальное* и *историческое* христианство. Их последователи впали в то же заблуждение, что и “несмысленные Галаты”, которых Павел порицает (Гал 3.1-5) за то, что они, “начавши духом” (т.е. с веры в Дух [Христоса]), “оканчивают *плотию*” (т.е.

¹ Так, если три синоптические Евангелия являют собой комбинацию языческо-греческой и еврейской символики, то «Откровение» [Иоанна] написано на тайном языке танаимов — реликте египетской и халдейской мудрости, а «Евангелие от Иоанна» является чисто гностическим. — *Е.П.Б.*

² «Претензия христианства на обладание Божественным авторитетом основана на невежественном убеждении в том, что мистический Христос мог [целиком] воплотиться в человека и действительно сделал это. Тогда как Гнозис утверждает, что телесный Христос — не более чем иллюзорное присутствие трансматериального человека. Следовательно, любое отождествление Христа с исторической личностью является фальсифицированием и дискредитацией Духовной Реальности». (*Massey G. Gnostic and Historic Christianity.*) — *Е.П.Б.*

³ *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, ch. XV.

верой в *телесного* Христа)¹. То, что Павел был гностиком и основателем новой *гностической* секты, которая, хотя и выступала против других гностических сект, но, подобно им, признавала Христа-Духа, – совершенно очевидно для всех, кроме догматиков и теологов. Не менее очевидно и то, что подлинные учения Иисуса, когда бы он ни жил, могли быть заимствованы [составителями евангелий] только из учений гностиков; против этого отождествления христианства с гностицизмом с самого начала выступали фальсификаторы, которые стремились низвести Дух в материю, принизив тем самым благородную философию изначальной Религии Мудрости². Как сообщает Евсевий (ЦИ. IV.7), только один Василид (ок. 125 г.) (по определению Климента [Александрийского] – “философ, посвятивший себя размышлениям о Божественных вещах”) оставил 24 тома своих “Толкований Евангелия”, но все они были сожжены по приказу церкви.

И поскольку эти “Толкования” были написаны в ту пору, когда Евангелия в их нынешнем виде еще не существовали³, это лишний раз доказывает, что Евангелие, которое было передано Василиду апостолом Матфеем и учеником Петра Главкием (Clemens Alexandrinus. Strom. VII.17), в значительной мере отличалось от нынешнего текста Нового Завета. Об этом учении [гностиков] вряд ли можно с уверенностью судить по тем необъективным отрывкам, которые оставил для потомков Тертуллиан. Однако даже того немногого, что сообщил нам этот ярый фанатик, вполне достаточно, чтобы идентифицировать основные гностические учения по их терминологии и персоналиям с *Тайной Доктриной Востока*...

¹ «Ибо таково подлинное значение греческой фразы: “ἐναρξάμενοι πνεύματι ἢν σαρκί ἐπιτελείσθε”. Анализ этой фразы выявляет следующее значение: “Неужели вы, стремившиеся поначалу к *Христу-Духу*, закончите теперь верой в телесного Христа”; так как в противном случае она не имеет вообще никакого смысла. Глагол *ἐπιτελοῦμαι* означает не “достигать совершенства”, но “заканчиваться, приобретать определенный вид”. Подтверждением тому является борьба, которую Павел вел до конца своих дней с Петром и ему подобными, и его собственный рассказ о том, что он назвал видением Духовного Христа, но не Иисуса из Назарета, как написано в “Деяниях”». – *Е.П.Б.*

² *Религия Мудрости* – внациональное учение и духовное делание посвященных адептов всего мира, передаваемое с архаичных времен от Учителя ученикам. Известные поздние формы зороастризма, индуизма, буддизма, христианства и др. являются искаженными временем и жрецами фрагментами данной Единой Религии Мудрости. – *А.В.*

³ Supernatural Religion, vol. II, ch. «Basilides» (Е.П.Б.: «анонимный автор “Сверхъестественной религии” / Supernatural Religion /, труда, который в течение двух лет переиздавался несколько раз и, как говорят, был написан выдающимся богословом»). – *Е.П.Б.*

Таким образом, в результате деятельности нескольких поколений наиболее активных отцов церкви, неустанно трудившихся над уничтожением древних документов и составлением собственных интерполяций для тех из них, которым все же посчастливилось уцелеть, от *гностицизма* — законного наследника древней Религии Мудрости — остались только невразумительные и почти неузнаваемые осколки. Однако даже эти крохи будут вечно сиять, подобно чистому золоту; и какими бы тенденциозными ни были отзывы Тертуллиана и Епифания об учениях “еретиков”, оккультист способен даже в них разглядеть первозданные истины, некогда передававшиеся по всему миру в ходе мистерий Посвящения»¹.

Поскольку с некоторого времени евангельскую аллегорию о жизни Иисуса Христа стали выдавать за подлинное историческое свидетельство, то будет интересно установить, кто же решился построить высоченные стены церковного христианства на столь шатком основании, как миф, растаявший сегодня при свете Кумранского открытия?

Есть все основания полагать этим мифотворцем Иринея Лионского. Во всяком случае, благодаря его усилиям мистическая, индифферентная легенда о Христе, преподаваемая гностиками, обрела у догматизаторов характер буквальной истории.

Согласно «свидетельству» Иринея, апостол Иоанн Богослов, как и прочие апостолы, жил в I в. н.э. Соответственно, в I в. жил и Иисус Христос. Впрочем, умозаключение можно построить и наоборот. Важно отметить, что только из сообщения одного Иринея время жизни Иисуса и апостолов можно вывести исторически: только Иринею ссылается *на очевидца*, жившего в I — II вв. н.э., которого Иринею будто бы знал лично и который будто бы сам видел апостолов. Ни один другой исторически установленный автор, кроме Иринея Лионского, не сообщает, что *лично* был знаком со спутниками Иисуса Христа. Интересно отметить, что данное «свидетельство» прозвучало у Иринея весьма невнятно, так что вполне можно допустить, что названный Иринею «ученик Иоанна Богослова» в действительности был только учеником ученика (если вообще — был).

В любом случае это единственное на всю церковь «историческое свидетельство» жизни Иисуса и апостолов в евангельское время

¹ Блаватская Е.П. Эзотерический характер евангелий // Сб.: Блаватская Е.П. Наука жизни. М.: Сфера. 1999. Вып. № 6. С.211-220. В квадратных скобках наши дополнения. — А.В

(при Ироде и Пилате) ни один из церковных авторов, в том числе и Иринея, никогда не использовали для доказательства жизни Иисуса именно в это время. Возможно, евангельское время и без доказательств казалось само собой разумеющимся, но естественнее предположить, что Иринея личное знакомство с человеком, видевшим апостолов, выдумал для укрепления своего авторитета, а может быть, как аргумент в споре с гностиками. То есть приукрашивание исторической действительности в данном случае понадобилось ему даже не во имя теологической истины, а в личных целях.

Судя по всему, проблема правильной датировки жизни Иисуса и апостолов в те времена никого не интересовала. Её не пытались обсуждать ни апологеты Ранней церкви, ни её враги. Это говорит, конечно, не о том, что весь мир был уверен и знал, что Иисус был казнен именно при Пилате и Ироде. Как раз напротив, только единицы в мире, опираясь на прямые свидетельства, могли утверждать, что Иисус Христос вообще когда-либо жил. Ни Иосиф Флавий, ни Филон Александрийский, ни прочие знаменитые историки, философы и литераторы того времени нам ничего исторически конкретного о факте существования Иисуса не сообщили¹. То есть мир об историческом Иисусе, по сути, ничего не знал. Для тех же, кто знал лишь легендарное предание об Иисусе-Мессии, вопрос о датировке его жизни не был важен. Только через полтора тысячелетия атеисты с юридической неумолимостью поставили вопрос ребром, потребовав от апологетов привести научно обоснованные доказательства, что их Бог жил. То есть потребовали: дату рождения, место жительства, свидетельские показания и пр., а также доказательства, что это был Бог.

Но во времена Ранней церкви не надо было доказывать существование Божественного как такового, а *календарные даты* рождения и смерти, например, Аполлона, Зевса, Вакха и др. даже не обсуждались. Человек тогда вообще верил в массу разных фантастических явлений и чудес. Никто не стремился взвешивать *божественное* на весах, хронометрировать, измерять его линейкой. Человек той эпохи иначе относился ко времени и к истории. При отсутствии в I в. до н.э. жанра точного биографического описания, всё, что выходило за период жизни одного поколения, превращалось в легенду о *далеком прошлом*. Масса населения, за исключением редких образованных людей, время и свое место в этом времени воспринимала не исторически, т.е. не абстрактно, а чувствен-

¹ О поздних христианских вставках в трудах Иосифа Флавия см. «Кумран и Христос».

но, т.е. как растянувшееся в оба конца временной оси *настоящее*. Поэтому главное, за что приходилось ранним христианам сражаться в отстаивании принципов Нового Завета, это даже не обоснование даты рождения жизни и смерти Иисуса, а доказательство его божественности и уникальности, дабы Он мог выделяться на фоне бесконечного пантеона существовавших в то время богов. В миссионерской деятельности при отсутствии установленного канона неизбежны были подделки и приписки. Только спустя несколько столетий к текстам стали относиться как к чему-то божественному, продиктованному чуть ли не самим Богом. Ранее такого трепетного отношения к текстам не существовало. Например, кумраниты с точки зрения современной библеистики занимались чудовищным препарированием ветхозаветных текстов. Подделки и переделки классических текстов (Гомера и пр.) в I в. до н.э. — II в. н.э. были столь распространенным явлением, что в Александрии даже сформировалась целая, можно сказать, научно-текстологическая школа по выявлению подделок и восстановлению первоначальных оригиналов. Цельс приблизительно в 150 г. возмущался тем, что, стремясь доказать, что Иисус — Бог, христиане по несколько раз переделывают свои евангелия. Цельс и прочие антицерковные писатели не оспаривали факта существования сына Марии как исторической личности. Повторяем, в то время грани между историчностью и легендарностью в той острой форме, как это стало теперь, — не существовало. Актуальным было только признавать или не признавать божественность какого-либо лица. Со старыми богами проблем, разумеется, не возникало. А к таким, как Орфей или Пифагор, в античном мире относились как к историческим личностям, хотя многие и верили в удивительные чудеса, совершаемые ими. Но богами, то есть существами, которым надлежит воскурять фимиам, поклоняться, — их не считали.

Но с христианами и их верованием получилась из ряда вон выходящая история. Христиане-гностики особо подчеркивали идею Горнего Христа, тогда как христиане-евреи настаивали на том, что Иисус был человеком. Эллинисты отвергали сам ветхозаветный дух как прямо противоположный Учению Христа. Иудействующие же христиане, напротив, апеллировали к еврейскому происхождению Иисуса и апостолов и обнаруживали в Ветхом Завете чуть ли не на каждой странице провозвестие о Спасителе (Христе). Если об Иисусе Христе говорили бы как о «Богe, рожденном от Бога», без исторических уточнений, т.е. как об одном из богов, совершавшем традиционные для богов чудеса, то люди легко могли поверить в такого бога. Или о нем могли рассказывать как о правед-

ном человеке, как, например, о Гаутаме Будде, и тогда проблем тоже не возникло бы. Но трансформированный ко второму веку миф сообщал, что Бог родился евреем, жил он в неких городах, в конкретное время и что, не узнав в нем Бога, люди казнили его, как обычного разбойника. Всё это трудно принималось мифологизированным сознанием той эпохи, имевшей устоявшиеся стереотипы об образе *традиционного Бога*. Но и это, может быть, для новой религии было не самым страшным. Крайне неудобным для основателей массовой церкви было то, что Иисус в его нравственной проповеди в обмен на веру *никому ничего не обещал*. В христианских *Логиях*, которые обращались среди первых христиан, Иисус не карал, не угрожал адским пламенем. Иисус, по мнению ранних христиан, проповедовал среди нищих и грешников, учил любить врагов, избегать роскоши, презирать жертвоприношения и для себя ровным счетом ничего не требовал. Он даже отказывался считать себя *благим*, говоря, что «благ один только Бог». Не требуя для себя ничего, являя пример скромности и самоотвержения, он никому ничего за мзду и не обещал. Это была вера в торжество нравственности, в духовное личное восхождение, но не в традиционный храмовый товарообмен: богу — жареное и золотое, а жертвователю — богатство и удачу.

Безусловно, об Иисусе со временем стали создаваться легенды. О возможностях бурной фантазии верующих свидетельствуют сохранившиеся апокрифы II — IV вв. Читая их, можно подивиться наивности их составителей. Например, в одном из Посланий Павел сообщал, что он боролся в Эфесе «со зверями» (1 Кор 15.32). В упомянутых «зверях» современные комментаторы усматривают кумранитов, имевших аналогичное самоназвание. Но в христианской среде это сообщение трансформировалось в следующую сказочную историю. В одном из апокрифов («Деяния ап. Павла») путешествующий апостол отправился в Эфес и возле реки встретил льва. От имени ап. Павла рассказывается:

«Набравшись духу, взглянул на него я, и говорю:

— Лев, ты чего хочешь?

А он отвечает:

— Желая окреститься!...

И помолвившись так, взял я этого льва за гриву и с именем Иисуса Христа погрузил его трижды в воду»¹.

¹ Деяния апостола Павла // Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб., 2000. С.182-183.

А когда спустя время Павла в Эфесе вывели на цирковую арену, чтобы отдать на растерзание зверям, то в подступившем льве апостол вдруг узнал своего новообращенного.

«Взглянул <лев> на Павла, а Павел — на <льва> , и признал тут в нем Павел того льва, что креститься к нему приходил. <И> движимый верой спросил его:

— Лев, а не тебя ль я крестил?

И сказал лев Павлу в ответ:

— Да!»¹

В результате император был вынужден прибегнуть к казни обоих.

В конце II в. Тертуллиан, обсуждая в своем трактате «О крещении» вопрос о том, может ли крестить женщина, рассказал историю появления на свет этого апокрифа. По его словам, эта книга была написана неким малоазийским пресвитером; будучи уличен, он сознался, что написал её «из любви к Павлу». Но как свидетельствовали последующие христианские писатели, до провозглашения подобных подделок неприемлемыми для церкви, они имели весьма долгое хождение и потом весьма трудно искоренялись.

Новое христианство Иринея Лионского

Иринея Лионский писал: ученика апостола, Поликарпа Смирнского

“я видел в моей ранней молодости, — ибо он жил долго и в глубокой старости окончил эту жизнь славнейшим и благороднейшим мученичеством, — он всегда учил тому, что узнал от апостолов, что передает и Церковь, и что одно только истинно... И есть слышавшие от него, что Иоанн, ученик Господа, в Эфесе, пришел в баню и увидев в ней Керинфа, выбежал из бани не мывшись и сказал: убежим, чтобы не упала баня, потому что в ней враг истины, Керинф. И сам Поликарп при встрече с Маркионом, сказавшим ему: «знаешь ли меня», отвечал: «знаю первенца сатаны»... Есть весьма дельное послание Поликарпа, написанное к филиппийцам, из которого желающие и заботящиеся о своем спасении могут узнать и характер веры его, и проповедь истины” (Против ересей, III.3.4.).

¹ Деяния апостола Павла // Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб., 2000. С.189.

Вполне возможно, что Поликарп был известной личностью и что учил он подлинному христианству. Но при чем здесь Ириней с его историческими анекдотами? Возможно ли беспредельную истину Откровения, подобно ларцу с драгоценностями, передавать от одного другому? Очевидно, здесь какая-то подмена понятий, можно сказать, магия. Ведь многие учителя христианства говорили о необходимости долгих лет для преодоления ступеней восхождения, так что от ученика требовалось громадное усилие, чтобы приблизиться к свету истины¹. А тут просто и незамысловато — «передал знание Церкви». Кому, когда, каким образом? Если Ириней и знал Поликарпа, то в лучшем случае, будучи подростком, т.е. постиг от него лишь начальную «азбуку», но не «высшую математику». Другими словами, апеллирование Ирирея к своему «апостольскому ученичеству» не более чем дешевый трюк, рассчитанный на увеличение собственного авторитета. Впрочем, о Поликарпе мы уже достаточно говорили ранее, а здесь рассмотрим, что же, по мнению Ирирея Лионского, представляло собой *подлинное христианство*.

Евсевий приводит цитату якобы из письма Ирирея к Флорину, бывшему якобы также учеником Поликарпа, но впоследствии впавшему в «гностические лжеучения»:

“Не такое учение предали нам предшествовавшие нам отцы, которые слушали самих апостолов. Я был еще очень молод, когда видел тебя в Малой Азии у Поликарпа. Что было в то время, я помню живее, чем недавно случившееся... Я мог бы теперь указать место, где сидел блаженный Поликарп и беседовал, мог бы изобразить его походку, образ его жизни и внешний вид, его беседы к народу, его дружеское обращение с Иоанном, как он сам рассказывал, и с прочими самовидцами Господа, — то, как он припоминал слово их и пересказывал, что слышал от них о Госпо-

¹ Макарий Египетский наставлял: «Кто хочет учиться словесным наукам, тот идет и заучивает буквы, и когда будет там первым, поступает в латинскую школу, где бывает из всех последним; когда же опять и там сделается первым, поступает в грамматическую школу, и опять бывает из всех последним и новоначальным; потом, когда сделается схоластиком, из всех правоведов бывает новоначальным и последним; а когда опять и там сделается первым, тогда становится правителем, и когда сделается начальником, берет себе в помощники сотоварища. Посему, если в видимом столько степеней преспеяния; то колыми паче небесные тайны допускают преспеяние и возрастают многими степенями? И только после долговременных упражнений, кто избежал многих искушений, тот делается совершенным» (Беседы 15.40). «...Кто насаждает виноградник, тот не в то же время собирает и плод; и кто сеет семена в землю, тот не тотчас производит жатву. Что же? ужели новорожденный младенец немедленно достигает совершенства?» (Слово 6.31).

де, Его учении и чудесах... По милости Божией ко мне, я и тогда еще внимательно слушал Поликарпа и записывал слова его не на доске, но в глубине моего сердца... Итак, могу засвидетельствовать пред Богом, что если бы этот блаженный и апостольский старец услышал что-нибудь подобное твоему заблуждению, то он тотчас заградил бы слух свой и изъявил бы негодование свое обычною поговоркою: «Боже благий! до какого времени Ты допустил меня дожить» (Евсевий. ЦИ.V.20).

Как видим, Иринея убежден, что христианская истина проста, общепонятна, единообразна у всех верующих и получена Церковью от апостолов. Прочие, имеющие отличную точку зрения, являются запоздалыми пришельцами в теологии, они новички и не правы. Но неужели вся христианская истина уместилась в сознании юного Иринея, не умевшего, кажется, даже писать?

Канон Муратори (ок. 180 г.), составленный в Риме, устанавливает перечень освященных новозаветных текстов. Казалось бы, всё теперь ясно с завещанной апостолами и апостольскими мужами *истиной*. Непонятно только, откуда после этого взялись бесконечные богословские споры, тысячи отлученных еретиков и ошибки отцов церкви? Получается, что доступная человеческому сознанию истина есть нечто живое и развивающееся вместе с этим сознанием и с самой жизнью. Кажется, никто еще не утверждал, что апостолы или апостольские мужи обладали «абсолютным сознанием». Жизнь ставит всё новые вопросы, и очень трудно в Писании на все эти вопросы найти ответы. Скажем, сегодня предпринимаются попытки клонирования человека. Или пересадка сердца свиньи человеку. Или расщепление атома и управление погодой. Или осуществляются полеты в космос. Богоугодно ли совершать всё это или не богоугодно? Нравственно или безнравственно? Тысячи не предусмотренных Писанием вопросов. Открытия в текстологии, археологии, физике позволяют по-новому взглянуть на древнюю историю, в том числе и на историю христианства. Что же со всем этим делать? Человек хочет знать, как ему надлежит поступать, чтобы оставаться верным воле Бога. Ему отвечают: «Смотри, как поступал Христос, и учись у Него». Где же можно увидеть проявления воли Христовой? Церковные апологеты утверждают, что все они собраны в одной книге — книге Его деяний и изречений, т.е. в Евангелии. Выходит так, что всё, что не входило в эту книгу, уже не должно браться в расчет христианской религией. Жизнь и её новые условия всячески устремляют человечество вперед, а догматики предлагают смотреть только назад. Для них всё лучшее в прошлом. Книга Нового Завета была церковью «возведена на престол» и оставлена

позади. Она и сейчас излучает истинный свет нравственного идеала, подобно маяку на вершине скалы. Но она осталась за спинами верующих людей, и потому, когда люди смотрят вперед, они видят перед собою лишь собственные тени. Когда же они хотят увидеть свет, им приходится оглядываться назад, и тогда они спотыкаются, ведь это очень трудно — идти, понуждаемые жизнью, вперед и смотреть при этом в обратную сторону. Но если человек верит в Христа, то для него очевидно, что Жизнь Христа продолжалась и после написания Евангелия, как продолжается по сей день. «А те немногие слова и дела Иисуса, которые вошли в текст Евангелия, нельзя назвать даже истоками великой реки христианства, ибо они — всего лишь несколько волн на её огромной поверхности, по которым можно судить только о направлении её течения»¹.

Итак, можно ли допустить рождение новой истины после Христа и апостолов? Церковь Истиной назвала Самого Христа и тем самым для себя будто бы решила проблему гнозиса. Тем не менее для конкретного человека, будь он даже папой римским или архиепископом, Истина во всей полноте открыта быть не может. По учению догматической церкви, несмотря на то, что вся Истина была уже дана, однако она еще не полностью раскрыта перед человечеством. Кроме того, говорится, что в Церкви помимо Священного Писания хранится устное Предание, которое было сообщено первохристианам. Сии лица во времена Иринея Лионского, но в еще большей мере — во времена первых Соборов победившей церкви, облекли Истину в форму незыблемых догматов. Кто же был хранителем Истины? По мысли Иринея Лионского — начальники церковного общества, т.е. епископы. Другими словами, чем выше церковный сан, тем более облеченный саном обладал Истиной. Как пишет А. Гарнак, «Иринея и Тертуллиан, под влиянием развившегося преимущественно в Риме внушительным образом епископства, перенесли древнее почитание апостолов, пророков и учителей на епископов и толковали дело так, что (институт епископства сам по себе) гарантировал незыблемость апостольского наследия... У Иринея уже ясно проявляется последнее: сану епископов, основанному на апостольской преемственности, — их совокупности единогласно присуща благодать истины... (Но) Игнатий (Антиохийский) ничего об этом не знает...; также и Климент Александрийский и даже основная запись апостольских конституций об этом умалчивают»². «Далее, из

¹ Оуэн Г.В. Жизнь высших миров / Пер. с англ. М., 1999. С.438.

² Гарнак А. История догматов // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.2. М., 2001. С.167-168.

этого следует, — продолжает немецкий историк, — что епископы апостольских церквей не имеют особенного значения (епископы разных церквей, вроде бы, как участники *одного* сана, между собой равны). Тем не менее римскому престолу (с точки зрения Рима) присуще особенное значение, потому что это престол апостола, получившего первым апостольские полномочия от Христа, чтобы яснее выразить единство этих полномочий...»¹.

Считается, что послания Климента из Рима (по нашему предположению, сфабрикованные Иринеем) стали первым провозглашением принципа власти в христианской Церкви и одновременно первым заявлением о примате Римской церкви над прочими церквями. Как заметил Э.Ренан, «история церковной иерархии является историей тройного отречения: сначала община верных передает все свои полномочия в руки старейшин, или *пресвитеров*; коллегия пресвитеров резюмируется затем в одном лице — *епископе*; наконец, епископы латинской церкви признают своим главою одного из своей среды — *papa*»².

Но что это было за отречение, которое было столь настойчиво затребовано из Рима во времена Иринея Лионского? Согласно доктрине, проповедуемой Иринеем Лионским, получалось так, что Завет Христа был оставлен не просто людям, но вполне конкретным посредникам. Утверждается, что Иисус основал Церковь на «апостоле обрезания» Петре (читай, Римскую церковь) и через эту Церковь обещал спасение человека и возвращение его к Богу. *Только ли* через неё или *в том числе* и через неё? А если только через неё, то что же такое эта необыкновенная организация, предваряющая вход в рай?

Из самих Писаний, строго говоря, ответа на эти вопросы непосредственно не следовало. Не собираясь вступать в споры с богословами по этому болезненному для них вопросу, все же представляется уместным сказать, что если Церковь предполагается неотъемлемым и главным условием Спасения (или приуготовления к Спасению), при том, что её представители, то есть те, с кем верующие только и имеют дело, священники, — являются материализацией этого условия Спасения, то это и должно называться «отречением» или «вручением» дела совести верующих в руки этих священников.

¹ Гарнак А. История догматов // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.2. М., 2001. С.170.

² Ренан Э. Рим и христианство // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.2. М., 2001. С.56.

Удивительное дело, в законодательстве многих стран вера в Бога объявлена важнейшим правом человека и справедливо названа *свободой совести*, т.е. свободой духа. Много ли этой свободы оставила мелочная папская регламентация Рима? Традиционно верующий человек во все времена, за редкими исключениями, являл собою печальное зрелище вечно боящегося существа, опасавшегося что-нибудь не то сказать, не то сделать, не то подумать. Вокруг такой рабской зависимости от «авторитета» как снежный ком нарастали самые чудовищные суеверия, суррогаты «праведности». Христос говорил о свободе, о нравственном выборе, о личной ответственности, о необходимости слушать голос своего сердца. В епископальной церкви голос человеческого сердца оказался не нужен, ибо был замещен буквой Священного Писания и постановлениями Соборов. Живой голос Христа в сердце человека оказался либо умален, либо, хуже того, объявлен происком дьявола.

«Никто (у А.Гарнака речь идет о Католической церкви. — *А.В.*) не может чувствовать и называть себя христианином, т.е. чадом Божиим, не подвергнув свои религиозные переживания и познания контролю церковного исповедания. “Духу” начертаны тесные границы, и ему запрещается действовать, где и когда он захочет. Мало того, каждый обязан — за исключением особенных случаев — не только начинать с отречения от самостоятельности и с послушания церкви, но он никогда не приобретает самостоятельности, он никогда не может стряхнуть эту зависимость от учения, от священника, от культа и от “Книги”. Тому, что мы и поныне называем специфическим католическим благочестием (здесь — католическим, ортодоксальным. — *А.В.*) в отличие от евангелического, было положено начало уже тогда. Непосредственность религии нарушена, и отдельному человеку очень трудно восстановить ее для себя»¹. «Для Иисуса и Павла личность является исходным пунктом; церковь Христова может быть только там, но зато и существует везде там, где есть люди, познавшие Бога. Около 300 г.² (теперь уже не личность, но. — *А.В.*) церковь есть основа; благочестивые люди могут быть лишь там, где существует католическая церковь; Бог может быть Отцом лишь тех, матерью которых является церковь. Таким образом, постулируется, впоследствии настойчиво проповедуемое, предсуществование церкви («ветхозаветной церкви». — *А.В.*)... Достигну ли я спасения, зависит на добрую по-

¹ Гарнак А. Сущность христианства // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.125-126.

² В Римской церкви уже ок. 200 г. — *А.В.*

ловину от того, насколько хорошо функционируют церковные спасительные аппараты, о магическом действии которых думали, когда говорили о возрождении и о приобретении благодати, и в меньшей степени от моего решения, моего убеждения и моей веры»¹.

Что есть религия? Религия — это связь с Богом. Большинство религий одинаково признают, что в человеке имеется единственный мост к Богу — его собственное сердце. Чтобы быть религиозным, то есть имеющим связь с Богом, *недостаточно знать умом, что Бог есть* или что Бог носит такое-то имя. *Необходимо Бога знать лично*. Если не слышать, то хотя бы чувствовать присутствие Бога в своей жизни, чувствовать его касание, его заботу, его помощь, его внимание. Без личного чувствования Бога получается лишь вера в чью-то веру, в веру монахов, в веру святых. Это — *они* чувствовали Бога, это — *они* слышали или видели Сына. Но для остальных это уже не религия, а слепая вера в чужую веру.

Во всех сакральных традициях понятие *Учителя* — свято, и совокупность Учителей в некотором роде и представляет то самое подобие Великой Организации или Общины, как бы она ни называлась, посредством которой и осуществляется приближение к Небу. Разница и значительное отличие заключается в принципах, положенных в таких организациях. Совершенно полярными и непримиримыми являются принцип свободы совести, принятый у одних, и принцип насилия над нею у других.

У первых, чтящих свободу совести, несмотря на всё могущество и мудрость Верховных Иерархов, ученик тем не менее никогда не лишается свободы выбора, свободы следования голосу своего сердца. Собственно, на пробуждение внутри человека его духа, умение руководствоваться им — своей совестью, и направлены главные усилия обучения. Ведь и Павел учил, что Христос пребывает в сердце человека. Кто же станет покушаться на волю Христа и заковывать Христа в оковы бесконечных регламентаций?

У вторых, напротив, при доминировании принципа патронажа и опеки, постулировалось, что человек не способен самостоятельно осуществлять нравственный выбор, поэтому его как несмышленное чадо необходимо понудить прийти в церковь, а затем убедить в делах совести целиком положиться на совесть священника.

Между названными религиозными принципами существует громадное множество вариантов, однако из истории видно, что большинство духовных учений вначале сверкали свободой и инди-

¹ Юлихер А. Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора // Сб: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.295.

видуальной самостоятельностью, а по прошествии времён омрачались закабалением ума и насилием над духом. Ужасы инквизиции и церковные злоупотребления являются наиболее закономерными следствиями этого духовного насилия. Когда человек вверяет свое сердце не Богу, а «папе», то достаточно на месте «папы» (или настоятеля монастыря) оказаться недостойному человеку, и вся толпа, покорно и слепо следующая за этим обладателем «ключей от Рая», оказывается заведенной в самые жуткие топи.

О чертах римского вероисповедания, т.е. чертах «прирожденного паписта», В.В.Болотов пронизательно заметил, что «это люди слабые, нуждающиеся во внешней опоре, люди чужеземные и чужеземные, настраивающиеся в пользу того, кто говорил последним. Таких людей много, поэтому папизм всегда будет иметь много сторонников, ибо думать нелегко и лучше возложить ответственность за всё на святого отца»¹. Но спрашивается, когда же началось движение в сторону папизма? Выясняется, что отнюдь не при закате Византии, не в XIII – XIV вв., а задолго до этого, уже во времена Ириней Лионского.

Например, из Первого послания, приписываемого *Клименту*, епископу Рима, это хорошо видно. Потратив на описание истории «народа избранного», достойной будто бы подражания, половину объемного послания, Климент вдруг, вопреки бунтарскому характеру библейских иудеев, призвал христиан к «смирению» (Послание, XIII) и заявил, явно намекая на *Римскую церковь*:

«Итак, присоединимся к тем, которые с благочестием хранят мир» (XV) (читай, «к Римской церкви»); «Итак, присоединимся к тем, которым дана от Бога благодать. Облечемся в единомыслие, будем смиренны, воздержны...» (XXX); «Итак, братья! будем всеми силами воинствовать под святыми Его повелениями. Представим себе воинствующих под *начальством* вождей наших; как стройно, как усердно, как покорно исполняют они приказанья. Не все епархи², не все тысяченачальники, или стоначальники, или пятидесятиначальники и так далее, но каждый в своем чине исполняет приказанья царя и полководцев. Ни великие без малых, ни малые без великих не могут существовать. Все они как бы связаны вместе, и это доставляет пользу» (XXXVII).

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.37.

² *Эпархи* – начальники провинций, имевшие и военную власть.

Другими словами, было предложено уподобиться легионерам Рима, завоевавшим мир. «Будучи убеждены в этом и проникая в глубины божественного ведения, — продолжает Климент, — мы должны в порядке совершать все, что Господь повелел совершать в определенные времена. Он повелел, чтобы жертвы и священные действия совершались не случайно и не без порядка, но в определенные времена и часы. Также где и чрез кого должно быть это совершаемо, Сам Он определил высочайшим Своим изволением, чтобы все совершалось свято и благоугодно, и было приятно воле Его. Итак, приятны Ему и блаженны те, которые в установленные времена приносят жертвы свои; ибо, следуя заповедям Господним, они не погрешают. Первосвященнику дано свое служение, священникам назначено свое дело (сан), и на левитов возложены свои должности; мирской человек связан постановлениями для народа» (XL); «Те же, кои делают что-либо вопреки Его воле, наказываются смертью» (XLI).

Откуда всё это взял автор послания, особенно по поводу «наказания смертью» — неизвестно. В Евангелии, в отличие от Ветхого Завета, ничего подобного не говорится.

И, наконец, в духе Иринейя Лионского, провозглашается то, ради чего и было составлено многоречивое послание:

«Апостолы были посланы проповедовать Евангелие нам от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос от Бога..., а апостолы от Христа; то и другое было в порядке по воле Божией. Итак, принявши повеление, *апостолы...* проповедуя по *различным* странам и городам, они первенцев *из верующих*, по духовном испытании поставляли в епископы и диаконы для будущих верующих. И это не новое установление; ибо много веков прежде писано было о епископах и диаконах. Так говорит Писание: “поставлю епископов их в правде и диаконов в вере” (Ис. 60:16-17)».

Надо заметить, что ссылка на Библию здесь вряд ли уместна. В приведенном фрагменте из Ветхого Завета речь шла совершенно об ином ¹.

¹ Данный фрагмент Второ-Исайи является одним из самых ярких образцов йахвического идеала и ни о каких «епископах» и «диаконах» там не говорится: «Ты (Израиль) будешь насыщаться молоком гоев (גוים — неевреев), и груди царские сосать будешь... И поставлю правителем (פקדן) твоим мир (שלום) и надзирателями (גנן) твоими — правду (צדקה)» (Ис. 60:16-17). Указанные во Второ-Исайе «Мир» и «Правда» тождественны двум каббалистическим колоннам на Древе Сефирот: «Милосердие» и «Наказание», в широком смысле, есть общепризнанные принципы построения мироздания, аналогичные даосским «ян» и «инь», и никакого отношения к церковным «епископам» и «диаконам» не имеют.

Когда же это и подобные послания или их фрагменты о единоначалии были придуманы и записаны? Что подвигло авторов на фальсификацию, какое религиозное рвение? В.В.Болотов тонко подметил характерную мотивационную черту папистов: «Папская система построена на том, что нравственные начала заменены юридическими; раз что-нибудь определено, определять этого более не надо... Для католика важно папское верование, которое заменяет для него всё... Он (римско-католик), по неизменности церковного учения, признает, что существующее (в церковной истории. — *А.В.*) теперь было в таком же виде и всегда. И так как слишком мало таких вопросов церковной жизни, где папизм не заинтересован, то католический историк всегда почти должен допускать разного рода натяжки, подчас даже не признаваемые. Католик редко может рассуждать “без гнева и пристрастия”, а прославленные приемы некоторых католических ученых напоминают фальсификаторство... История католика представляет ту монотонность, что всегда должна согласовываться с папскими велениями»¹.

Но совершенно очевидно, что названные подделки и «фальсификаторство» проявились в Римской церкви во всей силе тогда, когда она взяла курс на монархическое главенство в христианском мире, т.е. к концу II века. Именно в это время и именно в Риме из небытия всплыли «доказательства» будто бы первенствующей роли столичной церкви вместе с легендами об апостольских мужах, а также их «письма», в которых утверждался примат епископов.

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.37, 40.